

ОЛЕГОНТ КЛЕПИКОВ.

К Р А С Н А Я П А У Т И Н А.

/Отвѣтъ Начальнику Всероссийской Академіи Генеральнаго Штаба, ординарному профессору, генеральнаго штаба генерал-майору А н д о г с к о м у/.

Представьте, что в вашу квартиру проникли разбойники; что они лишили вас возможности сопротивляться; испытывая вашу беспомощность злодѣи глумятся, оскорбляют и насилуют то, что для вас самое дорогое, что составляет цѣль вашей жизни, или самую жизнь... Вообразите состояніе вашей души, вашего чувства к насильникам... Многие из нас, за время пребыванія в большевистской Москвѣ, в Петроградѣ, Казани, Екатеринбургѣ и т. д. испытали насилія бандитов и хорошо помнят то чувство, непримѣримой ненависти и гадливости, которая влокотала в нашей душѣ к злодѣям, растлившим жизнь страны. Под вліяніем спокойной и свободной жизни в Сибири напряженность этой ненависти и гадливости, может быть, нѣсколько ослабѣла. Но вот статья: "Академія Генеральнаго Штаба в 1917 - 18 г. г.", вновь сполохнула начинавшій было затихать огонь ненависти к проклятым насильникам. Огонь, который не горѣл в душѣ автора статьи, а наоборот он сам в нас его поддерживает. Я, до военной службы и во время ея привык с уваженіем относиться к военным начальникам; - в нашем представленіи не профессионалов военных, понятіе об офицерѣ, а особенно о генералѣ или полковникѣ, как то тѣсно слилось с представленіем о доблести, мужествѣ и непоколебимой вѣрности долгу. Названная выше статья: "Академія Генеральнаго Штаба в 1917-18 г. г." подписана полным званіем автора - "генеральнаго штаба генерал-майор Андогскій", следовательно и автор, и единомышленники его, которых он перечислил в статьѣ, считают содержаніе ея всецѣло отъчающим требованіем, которые могут быть предъявлены к генерал-майору генеральнаго штаба и начальнику академіи.

И что же? В статьѣ: "Академія Генеральнаго Штаба в 1917-18 г. г." не только не восхваляется доблесть или сознаніе долга, а напротив восхваля-

ется совершенно противно себе. Автор не возмущается тем фактом, что часть генералов, штаб и обер-офицеров служила у большевиков; что около трехсот молодых здоровых офицеров задерживалось составом учреждения на той же службѣ, под предлогом "сохранения их до лучших дней", тогда как при других условиях, эти люди давно могли бы увеличить активную силу борцов за восстановление Родины. Не возмущается тем, что своѣ они-профессора и прочее - авторитетом своего знания, опыта и положения подделывали и так сказать санкционировали преступления против страны и народа.

Напротив, статья предательство клятвопреступников пытается выдать за нѣкій подвиг.

Воистину иракѣбсіе! Когда Господь хочет покарать - он лишает разума, и потому то автор сился облить черное дѣло-государственное преступление, - опозорил и оплебал то званіе, которое он носит; гласно и публично показав, что он его недостойн и носить права не имѣет.

Всякій, имѣющій элементарную порядочность, знает какое различіе существует между генералами и офицерами, прислуживавшимися Бронштейну-Троцкому и офицерами врагами Бронштейна и Ленина. Но это различіе, видимо, не вѣдомо автору или авторам статьи: "Академія Генеральнаго Штаба в 1917-18 г.г.", а потому я для них приведу параллель между двумя группами военнослужащих: одна-борющаяся с большевиками; другая, прислуживавшая большевикам.

Первая - "выгнанная" со службы, разжалованная в солдаты, лишена была не только жалованія, но даже и гражданских прав; вторая - не только пользовалась всѣми пролетарско-батрацкими правами, но и получала красноармейское содержаніе довольно крупных ставок.

Первая жила под постоянной угрозой лишиться права даже на гражданскій четверть-фунтовой хлѣбный паек; вторая получала красноармейскій рацион в полном размѣрѣ.

Первая, скрываясь и прятаясь, жила в углах и подвалах:

Другая жила комфортабельно и для нея реквизировались лучшие "бухкуй-ные" особняки в Москвѣ, в Казани, в Екатеринбургѣ и проч.

Первая не могла собираться в группу из трех-четырех человек без риска быть обнаруженной и разстрѣлянной; вторая нагло засѣдала в совѣдах, в комитетах, в театрах, в кинематографах, за табльдотами и проч.

Первая, если условия заставляли перемѣщаться из одного города в другой, бросала семьи и имущество на произвол судьбы и часть пути совершала, не имѣя возможности пользоваться желѣзной дорогой, пѣшком с мѣшком за плечами; вторая эвакуировалась в классных вагонах с чадами и домочадцами и с имуществом.

Первая, презирая совѣтскую власть, не имѣла легальных видов на жительство; ежечасно угрожаемая арестами и разстрѣлами, преслѣдуемая как дичь сумѣла уберечь, носить и кое гдѣ употреблять оружіе; вторая имѣя все виды охранительных федеративно-батрацких грамот, оберегающих личную неприкосновенность, оказалась "совершенно безоружной".

Первая тайно организовывалась и, всячески, доблестно и честно боролась против Ленина, Эренштейна, Нахамжеса, Кина, Милха, Ладиса и проч.; другая явно рабоблѣствовала и прислуживала этим прохвостам.

Первая, тайно и явно борясь с врагами до подхода освобождающих сил, оказывала всяческое им содѣйствіе, а в случаѣ их прибытія немедленно рывалась в ряды их едва не рядовыми бойцами, несмотря ни на что, ни на возраст; вторая - попадая в плѣн, когда красные подвергались разгрому, полагает, что она "прорвала фронт" и сразу, не присоединяясь к активным борцам, стремится по дальше в глубину для захвата безопасных мѣст.

Которая же группа руководствуется принципами доблести и чести, обязательными для военнослужащаго: борющаяся, но страдавшая; или унижающаяся, но наслаждавшаяся. Для меня, как не Начальника Академіи и не профессора, ясно - что первая группа дѣйствовала с полным сознанием

Долга, чести, любви к Родинѣ и ненависти к ея врагам; вторая группа дѣйствовала без малѣйшаго сознанія долга, без любви к Родинѣ и без ненависти к врагам ея, во имя сохраненія личных благ, потеряв элементарное понятіе о чести.

Эти двѣ группы - два совершенно противоположные міра: свѣт и тьма, добро и зло, онѣ друг друга никогда не поймут, как не понимает генеральнаго штаба генерал-маіор Андрогскій и его единомышленники, что для их званій и положеній совершенно недопустимо гласно подписываться под статью, такого содержанія, как помѣщенная в "Наша Заря" и других газетах. /Омск, январь 1919 г./

В самом дѣлѣ:

1. Допустимо ли для генеральнаго штаба генерал-маіора смѣшивать и в одно соединять Академію, как учрежденіе и лиц, обслуживающих это учрежденіе. Учрежденія могут быть почтенны, но персонал учрежденій - зачастую морально убог.

2. Допустимо ли для генеральнаго штаба генерал-маіора и совѣстимо ли с понятіем о воинской чести и достоинствѣ, добиваться разрѣшенія задач путем униженія не только личнаго, но и профессионально-военнаго, пред завѣдомыми губителями Родины, как наивно сознается автор, возвышая свое раболѣпство пред Бронштейном в подвиг.

3. Допустимо ли для Генеральнаго штаба генерал-маіора и профессора Академіи, удерживать при себѣ триста здоровых молодых людей, кадровых офицеров, вмѣсто того, чтобы преподав им систему тайной организациі, об'единить их огнем ненависти к большевикам и разослав их по различным участкам группами, увеличить число активных врагов совѣтской власти.

Впрочем, генерал-маіор говорит, что он "три сотни старых кадровых офицеров" сохронял "до лучших дней для борьбы за возрожденіе родины", т.е., очевидно, хотя бы в полном контактѣ с большевиками.

4. Допустимо ли для генеральнаго штаба генерал-маіора, имѣя все виды

охраннчх пролетарскс-батрацнх грамот, не озаботитсѣ о том, чтобы 350 человек, состоящих под его начальством, не оказались "совершенно безоружными", когда многие из нас, враги большевиков, неоднократно подвергавшіеся обыскам и арестам, сумѣли сохранить оружіе. Или военный профессор забыл старыи афоризм ландскнехтов: "ты не уберег своего оружіа, значить не уберег своей чести".

5. Допустимо ли для генеральнаго штаба генерал-маіора быть столь наивным и ожидать, что его "большія усилія и порож унизенія" увѣнчаются успѣхом, когда он, будто бы убѣждал "представителей совѣтской власти эвакуировать" состав Академіи с семьями и имуществом в лагерь врагов совѣтской власти "в Донскую и Кубанскую области", потом "путем эвакуаціи в Сибирь", и наконец "эвакуацію Академіи в Екатеринбург". Неужели нужно быть академиком и профессором, чтобы понять, что враг не старается увеличить число своих врагов, а старается уменьшить их. Поразительное терпѣніе выказал он, ожидая эвакуаціи с ноября мѣсяца 1917 года по июль 1918 года.

6. Допустимо ли для генеральнаго штаба генерал-маіора, военнаго профессора и Начальника Академіи считать плѣненіе свое и своих сотрудников при занятіи г. Казани чехо-добровольцами равносильным "прорыву с большевистской территоріи, на территорію возрождающейся Россіи". Если его питомцы сдачу врагу и плѣненіе будут почитать прорывом, то вѣдь они все, при первой опасности сдадутся в плѣн. Шутник "великій и маститый Александр Иванович."

7. Допустимо ли для генеральнаго штаба генерал-маіора и проч. зѣнчать себѣ в заслугу, что под видом эвакуаціи, в мечтах и в действительности кочуя по большевистской территоріи, получая от большевиков приказанія и жалованье, он в то же время посылал чинов Академіи "к генералу Алексѣеву, к генералу Лавернь, к первому встрѣчному штабу". Иначе говоря, на всякій случай, одновременно он заискивал перед врагами тѣх, которых

сам, ради денег и личной безопасности, обслуживал добровольно. Неужели это - заслуга. Тогда за что же история и народ в 1606-1610 г.г. клеймили тушенцев название "ворами".

Я знаю, что все люди с психикой, не поврежденной большевизмом, на вышеперечисленные положения, взятые из статьи: "Академия Генерального Штаба в 1917-18 г.г." скажут недопустимо.

Но не так смотрит генерального штаба генерал-майор Андогский и его единомышленники: они не поймут почему не допустимо. Для них это также допустимо, как вновь перебраться из нашей территории на территорию красных и последних уверять, что они вырвались из нашего плена, "прорвав фронт" и т.д.

Это типичнейшие представители той категории людей, о которой я уже писал, отвечая А.С. Ефлоруссову на его статьи: "Красное офицерство" и "Необходимое объяснение".

После этого необходимого вступления, перейду к скорпионам автора, направленным против фактов и положений, высказанных мною в моих воспоминаниях при занятии г. Казани.

Прежде всего сознаюсь, что нас, лиц, единых со мною в прямоте и честности взглядов, немного и потому мы находимся не в таких роскошных условиях, чтобы "отказаться от всякой полемики" с нашими врагами. Нам мало, а господ, противоположных нам по взглядам, за проклятый период революции, расплодилось много. Кроме того, когда мы думаем принести большую пользу странам, мы "не унижим наше достоинство" честного человека, когда ответом разоблачим ложь и откроем читателям глаза на истину.

Впрочем и автор, вначале самодовольно заявив, что "ни в какую полемику" вступать не будет и что настоящим изложением "пользуется, чтобы осветить картину жизни и деятельности Академии", посвятив, однако, "картинку и жизни" Академии, с длинными лирическими отступлениями,

всего в эту треть статьи, а две третьи ее посвящены исключительно полемикѣ, навітам и наускиваніям.

Итак, автор дважды повторил, что "нѣкоторая опредѣленная /към?/ группа лиц" подняла /./ / поход против Академіи, стремясь, "свести свои мелкіе счеы".

Утверждаю, что ни к какой "опредѣленной группѣ" не принадлежу; с Академіей никаких счетов и никакого отношенія к ней не имѣю. Писал воспоминанія о занятіи г. Казани, о событіях, в которых мнѣ лично приходилось принимать участіе. Не моя вина, что г. Андогскій оказался одним из объектов, против котораго мнѣ пришлось примѣнить силу и потому припомнить его в моих воспоминаніях. В гостиницѣ "Волга" я его арестовал; если бы я тогда знал, что это - он то лицо, которое принимало участіе в заключеніи предательскаго "пахабнаго" брестскаго мира, я бы застрѣлил его там же, на мѣстѣ, не считаясь ни с какими записками капитана Степанова. Подтверждаю, что он, Андогскій и сопутствовавшая ему клика, трусливо под дулом моего револьвера сбилась в кучу в коридорѣ гостиницы и не были сразу направлены в казарменную тюрьму сербскаго отряда маіора Благодича только по отсутствію со мною конвоеров. Участники ареста - офицеры. По освобожденіи г. Казани предъивлю и других свидѣтелей, знавших г. Андогскаго и оказавших мнѣ содѣйствіе.

Что генерал Андогскій участвовал в комиссіи, заключившей измѣнческій брестскій договор, извѣстно почти всей Россіи: в мартѣ и апрѣлѣ 1918 года всѣ совѣтскія газеты об этом писали. Тогда г. Андогскій не выступал с опроверженіем и не заявлял о том, что он подписал какой то пустест. Вязужденныи необходимостью, теперь, спустя год, он это отрицает, забывая, что подобный протест можно написать когда угодно и гдѣ угодно. Важно то, что Начальник Академіи Генеральнаго Штаба, генерал-маіор Андогскій участвовал в комиссіи по заключенію измѣнческаго брестскаго обязательнаго мира, а не в подписаніи не обя-

з а т е л ь н а г о п р о т е с т а. Заявление автора статьи, что предъявленное ему обвинение "наглая ложь" меня нисколько не удивляет и не обижает, ибо я знаю, с кем имело дело. Знакомые мне судебный следователь, рассказывая свои воспоминания, несколько раз подтверждал, что квалифицированные преступники особенно склонны отрицать очевиднейшие улики.

Достаточно удивления и то обстоятельство, что несмотря на заключенный мир, автор все же опасался занятия Петрограда немцами. Это будто бы и побудило его "цѣною больших усилий /./ и порою униженій" просить Бронштейна-Троцкого об эвакуации. Однако, нам известно, что вообще с апреля месяца 1918 года большевики начали разгружать Петроград от учреждений, т.к. городу грозила голодовка. Тогда и были эвакуированы в Москву - Государственный Банк, Главное Казначейство, Главный Штаб и проч., а в Екатеринбург - Академия. Главный мотив эвакуации в этом, а не "в долгом и настойчивом стремлении" перейти "на сторону врагов советской власти в качестве цѣлаго государственного учреждения". Вообще автор придает какое то мистическое и кабалистическое значение выражению "цѣлое общегосударственное учреждение".

Погибай мир - и да живет Академия./

Не могу обойти молчаніем еще одно заявление автора о том, что "по прибытіи в Казань мы разсѣялись на частныя квартиры и скрывались" и что комиссаром Лацисом было отдано "распоряжение о разстрѣль членов конференціи и слушателей"... Я в качестве развѣдчика нашей тайной организации ежедневно посѣщал гостиницу "Волга". За табльдотом я видѣл до послѣдних дней г. Андогскаго и его сотрудников, возсѣдавших за обѣдами и завтраками. Квартира для него реквизирована была на улицѣ Гоголя, а элитная карточка его красовалась на номерной доскѣ в гостиницѣ "Волга". Без вѣдома большевистскаго учреждения по отводу комнат ни один домовый комитет в Казани комнат не уступал, а потому и для других чинов комнаты были предоставлены по способу красной реквизиціи.

Для Академіи было реквизировано здание коммерческого училища. Распоряжения комиссара Ладиса мне известны и из них не было ни одного, в котором он специально угрожал членам конференции и слушателям. Хотя автор статьи в этом пункте несколько погрёшил против прежних своих сослуживцев, однако, в общем он все же относится к ним очень политично: никаких резких выражений, а только "большевики" и "представители советской власти". Может быть такая мягкость пригодится. За то совершенно безповаден он по отношению врагов советской власти, т.е. к той предполагаемой им "определенной группе лиц", которая приподняла занавѣску над дѣлишками и освѣтила истинным свѣто тот уголок, в котором сидѣли "на банкетѣ 26 ноября" бывшіе красноармейцы, превознося один другого в величавых тостах... Против этой группы лиц, в том числѣ и меня, автор не скупится выражениями.

Страшен черт, но милостив - Бог.

Меня не пугают наускивания совдѣлскаго генерала и я твердо повторяю, что:

1. Выбросать из среды команднаго и управляющаго персонала завѣдомых перебѣжчиков, бывших добровольных красноармейцев, не значитъ "лишить государственную власть цѣнных военных сотрудников" - но наоборот - значитъ укрѣпить морально государственную власть и избавить ее от возможной измѣны;

2. Назвать предателей, измѣнивших долгу офицера, не значитъ "дискредитировать корпорацію офицеров генеральнаго штаба", а значитъ избавить эту корпорацію от того негоднаго элемента, который ничего общаго с доблестью и честью не имѣет, и свой истинный душевный уровень только незаслуженно прикрываетъ званіем офицера генеральнаго штаба;

3. Открыть аморальные факты из жизни лиц, которым доверено дѣло государственной важности, не значитъ "лишить государственную власть возможности зести подготовку новых офицеров генеральнаго штаба", а

считать оказать честное содействие этой власти по передаче дела в более надежные, верные, не замазанные большевистскими деньгами руки. Иначе, они подготсят дѣятелей с такой же гибкой совестью, какую имѣют сами.

Иначе вѣдь всѣх этих проклятых генералов: Бонч-Бруевича, Черемисова, Клембовскаго, Балтійскаго, Надежнаго, Болховитинова, Новицкаго, Гришинскаго, Шневскаго, Гозефовича, Незнамова, Парскаго и проч., которые в настоящее время ведут операціи против наших войск, придется считать "стремящимися прорваться из большевистской территоріи на территорію возрождающейся Россіи". В том, что многіе из служивших красноармейцев "вступили в активную борьбу с большевиками на фронтѣ, частью на отвѣтственных мѣстах" ничего удивительнаго нѣтъ: им ничего другого не оставалось дѣлать, как получать содержаніе из другого, хотя бы противоположнаго источника. Другое дѣло, если бы эти господа вступили в борьбу с красными разбойниками, не засѣдая в безопасных мѣстах, а рядовыми бойцами, лицом к лицу с врагом, лично подвергаясь опасности боя. Многое можно было бы им простить. Но этого они не сдѣлают.

Поэтому не враги Родины открывают предательское поведеніе красноармейцев, а истинные сыны Родины не лобзавшіе рук Бронштейна и Нахамеса.

Когда мнѣ, арестованному врагов Родины в гостиницѣ "Волга", эти самые враги ничѣм сладкорѣчиво напѣвают о благѣ и спасеніи Родины, я всегда вспоминаю лѣсаца и предателя Гуду: он предал своего Учителя ничѣм иным, а знаком ~~в~~ любви-поцѣлуем. Поэтому я повторяю: не вѣрь предателям.

ФЛЕГОНТ КУЛЕШКОВ.